СОВЕТ ПО ДЕЛАМ РПЦ И МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ В РЕШЕНИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ ХРУЩЕВСКОГО РУКОВОДСТВА: 1953–1958 гг.

Т.А. Чумаченко

В отечественной и зарубежной историографии, посвященной анализу государственно-церковных отношений XX в., период 1953–1958 гг. выделяется в самостоятельный хронологический этап[1]. Его особенности обусловлены тем, что с приходом к власти — после смерти И. Сталина — нового руководства меняются приоритеты внутренней и внешней политики СССР. Стремление советского правительства использовать возможности Русской Православной Церкви на международной арене в своих интересах предопределило и постановку новых задач перед Советом по делам РПЦ как органом, призванным реализовать церковную политику власти.

В первый год после И. Сталина борьба за власть внутри нового «коллективного руководства» обусловила своеобразный тайм-аут в международных отношениях, привела к тому, что вопросы внешней политики, международная сфера отошли на второй план[2].

Действительно, на протяжении 1953 г. Совет по делам РПЦ, направлявший в инстанции материалы о деятельности Церкви на международной арене с постоянно присутствовавшим акцентом об «известном государственном интересе» этого направления работы, никаких принципиальных указаний о новых внешнеполитических задачах Московской Патриархии не получил.

Более того, выяснилось, что ни одна из высших инстанций не берет на себя ответственность принимать решения по «внешней линии» Совета по делам РПЦ. Так, материалы о принятии советского гражданства священника архимандрита А. Дехтерева, представленные в правительство, вернули с указанием «пусть решает ЦК КПСС...». Из ЦК партии их также вернули с резолюцией о том, что «нужно войти в Президиум Верховного Совета»[3].

Власти не отреагировали на несомненный успех Московской Патриархии в Америке, где на II съезде Североамериканского экзархата в марте 1954 г. большинством голосов экзархом был избран посланник Патриарха Алексия архиепископ Гермоген[4].

В 1953–1954 гг. деятельность РПЦ продолжалась в рамках ранее принятых планов. Наиболее значимыми, с точки зрения Совета по делам РПЦ, были контакты с Антиохийской Патриархией (в июле 1954 г. делегация РПЦ выезжала в Ливан на юбилейные торжества по случаю пятидесятилетнего архиерейского служения Патриарха Александра III, в сентябре Александр III прибыл в СССР на празднование столетнего юбилея Антиохийского подворья в Москве[5]) и с Финляндской Православной Церковью (в июле 1953 г. митрополит Николай был с визитом в Финляндии, в августе 1954 г. делегация ФПЦ с ответным визитом прибыла в СССР[6]).

Члены церковных делегаций, гостившие в СССР летом — осенью 1954 г., не могли не увидеть и не почувствовать изменений в отношении государства к Церкви и верующим в связи с публикацией по-

---

[1] См.: *Алексеев В.А.* «Штурм небес» отменяется? Критические заметки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1993; *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор. М., 2004; *Марченко А.Н.* (*протоиерей Алексий*). «Хрущевская реформа»: Очерки церковно-государственных отношений (1958–1964 гг.). Пермь, 2007; *Одинцов М.И.* Русская Православная Церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002; *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М.,1995; *Фирсов С.Л.* Основные этапы церковно-государственных отношений в России // Церковь и время. 2008. № 1. С. 176–202; *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999.

[2] *Нежинский Л.М., Челышев И.А.* Проблемы внешней политики // СССР и холодная война. М., 1995. С. 53.

[3] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1114. Л. 24, 34.

[4] Там же. Л. 95–99.

[5] См.: *Талызин В.* На юбилейных торжествах // ЖМП. 1954. № 9. С. 66–69; Братское посещение // ЖМП. 1954. № 10. С. 10.

[6] ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1013. Л. 53; д. 1115. Л. 159.

становления ЦК КПСС от 7 июля «О недостатках научно-атеистической пропаганды и мерах ее усиления». О высказываниях глав делегаций Церквей об «усилении интереса со стороны отдельных лиц и делегаций из-за границы» к положению и деятельности РПЦ в СССР руководство Совета ставило инстанции в известность, подчеркивая негативное отношение православных иерархов к методам антирелигиозной кампании и их озабоченность перспективами государственно-церковных отношений в стране[7].

Представляется, что главным образом интересы внешнеполитического характера предопределили принятие нового постановления ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. Новое руководство СССР выходило на международную арену с программой смягчения напряженности: обострение взаимоотношений с Русской Церковью и через нее с православным миром могло повредить имиджу советских лидеров.

Принятие постановления ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г., прием главой правительства СССР Г.М. Маленковым Патриарха Алексия явились ключевым моментом в государственно-церковных отношениях после И. Сталина и стали определенным стимулом для активной внешнеполитической деятельности Московской Патриархии в интересах государства.

По широте и разнообразию контактов Русской Православной Церкви на международной арене период 1955–1957 гг. превзошел все предыдущие. Если в 1954 г. Московская Патриархия приняла пять делегаций в составе 28 человек, то в 1955 г. — одиннадцать зарубежных делегаций в составе 57 человек (которые провели в стране в общей сложности 220 дней), в 1956 г. — 21 делегацию, в 1957 г. — 17[8].

Советское руководство с 1955 г. постоянно подчеркивало значимость взаимоотношений с Русской Православной Церковью: на официальных приемах в честь иностранных гостей неизменно присутствовали иерархи Московской Патриархии. Журнал Московской Патриархии с 10-го номера ввел отдельную рубрику — «Присутствие представителей РПЦ на приемах в честь иностранных гостей».

> Впервые такой прием, на который были приглашены Патриарх Алексий и митрополит Николай, руководитель Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата (ОВЦС МП), состоялся в Кремле 9 июня 1955 г. в честь пребывания в СССР премьер-министра Республики Индия Джавахарлала Неру. Прием был устроен председателем СМ СССР Н.А. Булганиным.

Все это предопределило и новый этап в работе Совета по делам РПЦ — вновь его деятельность была важна для власти, вновь упрочился статус Совета в структуре государственных органов страны. Достаточно сказать, что в 1955 г. Совету на «представительские расходы» Министерство финансов утвердило значительную сумму — 33 тыс. рублей в отличие от неизменных 3 тыс. всех предыдущих лет[9].

Вся тяжесть организационной и оперативной работы ложилась на отдел по делам центрального управления РПЦ (или иностранный отдел) Совета по делам РПЦ. Только в 1955 г. отдел направил в Министерство иностранных дел 257 писем, в Комиссию по выездам — 158. Представительская работа Совета требовала серьезной подготовки, времени, сил и, конечно, средств. Только на приемы иностранных гостей и иерархов РПЦ было истрачено 73,9 тыс. руб. вместо запланированных 33 тыс.[10] При этом в иностранном отделе Совета по делам РПЦ работало вместо четырех в предыдущем году всего два инспектора, один из них — только с августа 1955 г. При таких условиях и нагрузке трудно было ожидать от отдела инициатив и оперативности, как постоянно требовал того председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов. Единственной, пожалуй, новацией отдела явилось проведенное в 1955 г. по его инициативе совещание духовенства Москвы по заграничной работе. Положительно оценив это мероприятие, члены Совета на своем заседании приняли решение о систематическом проведении подобного рода совещаний, включив в число их участников и преподавателей духовных учебных заведений[11].

---

[7] ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1115. Л. 147, 159, 164, 168; д. 1116. Л. 10; Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 16. Д. 669. Л. 172.

[8] ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1329. Л. 37.

[9] Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 85.

[10] Там же. Д. 104. Л. 64–65.

[11] Там же. Оп. 1. Д. 1329. Л. 41.

Направления деятельности РПЦ на международной арене, безусловно, определялись задачами внешней политики правительства. Иногда они отвечали интересам Московской Патриархии и ее видению развития собственно межцерковных отношений, иногда церковное руководство вынуждено было, как и ранее, «принять к исполнению рекомендации» Совета по делам РПЦ.

Развитие контактов с Сербской Церковью отвечало интересам всех сторон. СМ СССР и ЦК КПСС, посольство СССР в Югославии поддержали просьбу Московской Патриархии «...послать письмо патриарху Викентию с приглашением посетить Московскую патриархию в 1955 г.»[12]. 5 февраля ЦК «...разрешил Совету по делам РПЦ дать согласие Московской патриархии» на приглашение делегации Сербской Православной Церкви в составе трех человек на три недели, а также на организацию приема в Совете на 25 человек[13].

Визит делегации Сербской Церкви во главе с Патриархом Викентием состоялся лишь в октябре 1956 г. Прием был организован на высшем уровне. Гости посетили Ленинград, Киев, всем членам делегации были вручены богатые подарки. 19 октября Сербского Патриарха Викентия и сопровождавших его лиц принял Председатель СМ СССР Н.А. Булганин[14].

Тогда же советское правительство разрешило Совету по делам РПЦ «...дать согласие Московской патриархии на положительный ответ патриарху Викентию на его предложение посетить Югославию делегации РПЦ»[15]. Г.Г. Карпов писал в ОВЦС МП: «...было бы желательно, чтобы делегация была значительной по составу и чтобы в нее вошли сам патриарх и митрополит Николай»[16].

Ответный визит делегации РПЦ во главе с Патриархом Алексием состоялся в октябре 1957 г. Делегации РПЦ также был оказан радушный прием, а 28 октября Патриарх Алексий и члены русской делегации в сопровождении Патриарха Викентия были приняты Президентом ФНРЮ Иосипом Броз-Тито[17].

Приоритетным во внешней политике советского руководства во второй половине 50-х гг. становится ближневосточное направление. Для более эффективного его развития было решено использовать контакты между РПЦ и Православными Церквами стран этого региона. Президиум ЦК КПСС 28 апреля 1955 г. направил в адрес Совета по делам РПЦ «поручение» — разработать предложения по реализации этой задачи[18].

Уже в начале мая Совет представил в ЦК КПСС предложения по расширению связей РПЦ с Александрийской Церковью и просил рассмотреть вопрос о приеме Александрийского Патриарха и об оказании ему материальной помощи. Все предложения Совета были одобрены правительством: было принято секретное постановление СМ СССР от 9 мая 1955 г.[19]

Делегация Александрийской Церкви была приглашена в СССР на празднование памяти Святого Сергия Радонежского. Московская Патриархия согласилась оказать Александрийскому Патриарху материальную помощь в размере пяти тысяч египетских фунтов, а также осуществлять ежегодную помощь «...в пределах 10–20 тыс. ам. долл. под видом доходов от подворья в Одессе»[20].

Визит Александрийского Патриарха стал поводом для приглашения глав других автокефальных Церквей. В торжествах июля — августа 1955 г. приняли участие Румынский Патриарх Юстиниан, Патриарх-католикос всея Грузии Мелхиседек, Глава Польской Православной Церкви митрополит Макарий, глава Православной Церкви в Чехословакии митрополит Елевферий, представители Антиохийской и Болгарской Патриархий[21].

---

[12] ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1228. Л. 1; д. 1224. Л. 21–22.

[13] Там же. Д. 1224. Л. 22.

[14] См.: Известия. 1956. 20 окт.; ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1333. Л. 43.

[15] ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1534. Л. 85; д. 1439. Л. 9.

[16] Там же. Д. 1441. Л. 13.

[17] Там же. Д. 1439. Л. 131; Пребывание Русской Православной Церкви в Югославии // ЖМП. 1957. № 11. С. 59–74.

[18] ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1224. Л. 197.

[19] Там же. Д. 1224. Л. 198.

[20] Там же. Д. 1228. Л. 94–96.

[21] См.: Известия. 1955. 17 июля.

Для церковных делегаций была разработана впечатляющая программа, устроен прием в Совете по делам РПЦ, Г.Г. Карпов лично нанес «визит вежливости» Патриарху Христофору в гостиницу «Савой».

Патриарх Христофор в ответ на оказанный прием и помощь выразил поддержку Московской Патриархии по вопросу о Финляндской Церкви и приходах в Западной Европе («...это проявление папистической тенденции Константинопольского патриарха»), о предстоятелях Болгарской и Польской Церквей («...не имеет никаких канонических сомнений в правильности их избрания»)[22].

Встреча глав и представителей Церквей имела и политический аспект. Участники торжеств приняли обращение «К христианам всего мира» и, кроме того, подписали телеграмму делегациям «четырех великих держав в Женеве» с «горячими пожеланиями полного успеха в трудах по установлению прочного мира во всем мире...»[23].

Успех июльской встречи глав Православных Церквей в глазах советского руководства был столь значителен, что оно, наконец, согласилось с мнением Совета по делам РПЦ отметить деятельность митрополита Николая как руководителя ОВЦС Московской Патриархии. Митрополит был награжден Орденом Трудового Красного Знамени Указом Президиума ВС СССР от 6 августа 1955 г. 16 августа в Кремле председатель Президиума ВС СССР К.Е. Ворошилов вручал митрополиту орден, на следующий день Совет по делам РПЦ устроил прием в честь митрополита Крутицкого и Коломенского Николая[24].

Внимание власти надо было оправдывать, успехи развивать. Председатель Совета по делам РПЦ в беседах с руководством Московской Патриархии настаивал на дальнейшей активизации усилий Патриархии в развитии связей с автокефальными Церквами, подчеркивал «...большую значимость и особую важность поддержания хороших отношений с Ближневосточными странами и их церквами», рекомендовал «...не останавливаться для поддержания хороших отношений и перед денежными затратами в инвалюте».

Г.Г. Карпов «выражал пожелания» установить связь с главой Элладской Церкви, с Эфиопской Церковью, изыскать возможность приглашения в СССР Патриарха Константинопольского Афинагора или организовать встречу с ним в третьей стране «с целью установления личного контакта». Председатель Совета по делам РПЦ считал деятельность Отдела внешних церковных сношений в целом недостаточно активной. «Некоторые из Вашего окружения, — говорил Карпов Патриарху, — узко смотрят на это дело, не понимая всей его важности...»[25].

Геополитический вектор интереса правительства Н.С. Хрущева, особенно после войны в Египте 1956 г., сместился в Ближневосточный регион. Сближение руководства СССР с правительствами некоторых стран Ближнего Востока открывало и новые перспективы для внешнеполитических акций Русской Православной Церкви. Со своей стороны межцерковные контакты должны были способствовать позитивному развитию отношений между государствами.

Совет по делам РПЦ не терял надежды на установление более близких отношений Московской Патриархии с Константинопольской Патриархией.

Представляется, что признание Московской Патриархией автономного статуса Финляндской Церкви в рамках юрисдикции Константинопольского Патриарха являлось жестом доброй воли со стороны Русской Церкви именно по отношению к Патриарху Афинагору. 30 апреля 1957 г. Синод РПЦ постановил: «Предать забвению все канонические споры и недоразумения... и признать статускво Финляндской Православной Церкви, состоящей в Константинопольском Патриархате»[26]. В мае этого года состоялся визит митрополита Николая в Финляндию, где было восстановлено молитвенное общение между Церквами.

Решение вопроса о Финляндской Церкви оказало воздействие на позицию Вселенского Патриарха:

---

[22] ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1228. Л. 95–96.

[23] См.: Известия. 1955. 28 июля; ЖМП. 1955. № 8. С. 3. (В Женеве 18–23 июля работала Конференция глав государств США, СССР, Великобритании и Франции.)

[24] См.: ЖМП. 1955. № 9. С. 4–5; ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1225. Л. 108.

[25] ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1228. Л. 111–113, 121–122.

[26] См.: Определение Священного Синода. 30 апреля 1957 г. // ЖМП. 1957. № 6. С. 12.

в мае 1958 г. он направил на торжества в Москву своего представителя архиепископа Афинагора.

Не удалось добиться более тесных контактов с Иерусалимской Патриархией. Только летом 1958 г. Патриарх Александрийский Венедикт, посетив израильскую часть Иерусалима, прибыл в Троицкий собор Русской духовной миссии в Иерусалиме, где был встречен «со славой»[27].

Традиционно дружественные отношения с Антиохийской и Александрийской Патриархиями активно развивались в период 1955–1958 гг. Однако их поддержание требовало все больше и больше материальных вложений. В отношении Антиохийской Патриархии это обусловливалось и необходимостью укрепить связи с наиболее вероятными претендентами на Патриарший престол из числа членов Синода, так как Антиохийский Патриарх Александр III был человеком весьма почтенного возраста.

Такая работа по рекомендации Совета по делам РПЦ была проведена Московской Патриархией: иерархи Антиохийской Церкви стали частыми гостями Русской Церкви. Только в 1956 г. в разное время состоялись визиты трех митрополитов, делегации духовенства Антиохийской Церкви из пяти человек, в августе 1957 г. «визит вежливости» нанесли члены Патриаршего совета Антиохийской Церкви[28].

Особенный прием был оказан митрополиту Бейрутскому Илии Салиби как одному из кандидатов в Патриархи («...хотя у Совета есть более лучшие и молодые кандидатуры...»[29]). Совет просил Президиум ЦК КПСС рекомендовать: Московской Патриархии — снять с текущего счета Патриарха Алексия 15 тыс. долл. в ливанской валюте и вручить Салиби в качестве подарка; Совету — устроить обед и израсходовать 1,5 тыс. рублей на приобретение подарков для И. Салиби и его спутников. Президиум ЦК не возражал, более того, митрополит Илия был принят на высшем уровне — 22 июня в Кремле он встречался с Н.С. Хрущевым, К.Е. Ворошиловым и В.М. Молотовым (официальной информации об этом не было)[30].

Во время своего пребывания в Москве в 1956 г. митрополит Салиби вручил митрополиту Николаю так называемый меморандум, «...в котором изложил вопросы материальной помощи православным церквам на Ближнем Востоке с целью противодействия усиливающейся деятельности Ватикана и протестантских церквей в этих странах»[31]. По существу меморандум являлся просьбой об оказании материальной помощи в размере трехсот тысяч американских долларов в год. Совет запросил мнение посольства СССР в Сирии как более всех осведомленного о положении Антиохийской Церкви. Посольство высказало сомнение в целесообразности выделения такой крупной суммы, «...так как практика показывает, что поступающие от Московской патриархии денежные средства в большинстве случаев шли не на те цели, на которые предназначались, а присваивались, главным образом, патриархом и митрополитами»[32].

Совет представил свои предложения в ЦК партии. Этот вопрос, писал Г.Г. Карпов, слишком важный, чтобы решать его заочно. Председатель Совета по делам РПЦ счел необходимым организовать поездку представителей Московской Патриархии в Сирию и Ливан, с тем чтобы «...совместно с представителями Антиохийской патриархии и при участии посольств СССР в Сирии и Ливане определить, на какие именно цели нужна и может быть оказана помощь, в каких размерах, порядок ее использования, отношение к этому правительств Сирии и Ливана». К тому же следовало учесть, что оказание крупной помощи Антиохийской Церкви «...вызовет соответствующие претензии со стороны Александрийской и Иерусалимской церквей».

Ввиду того, что в обстановке военных действий такая поездка исключалась, пока решено было оставить вопрос открытым, сохранив оказываемую ежегодную помощь Антиохийской Церкви в размере 30 тыс. долларов (20 тыс. — Патриарху и Церкви,

---

[27] В миссии в этот день присутствовали также и работники советского посольства в Израиле. — См.: *Ротов Н.* Поездка патриарха Иерусалимского Венедикта по Палестине // ЖМП. 1958. № 11. С. 56–57.

[28] См. там же. 1956. № 9. С. 16–21; №. 10. С. 16; №. 11. С. 19–20; 1957. №. 8. С. 6.

[29] ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1332. Л. 103.

[30] Там же. Л. 103, 121.

[31] Там же. Л. 121.

[32] Там же. Д. 1333. Л. 38.

10 тыс. — нуждающемуся духовенству). В то же время, по рекомендации МИДа, было решено «не препятствовать Московской патриархии оказать дополнительную помощь путем посылки учебного и лабораторного оборудования, медицинского оборудования и предметов религиозного культа...»[33].

Возможность отправить делегацию РПЦ в Сирию и Ливан стала реальной весной 1957 г.[34] К августу от комиссии РПЦ уже поступила информация: «Антиохийская Церковь бедна,.. влачит жалкое существование... только при получении материальной помощи извне сможет выстоять против наступления католицизма, обладающего более мощной материальной базой и широко развернувшего свою деятельность», причем Синод Антиохийской Церкви просил уже единовременно 1,74 млн долларов США, а ежегодно — 107 тыс. долларов США[35].

Московская Патриархия согласилась на четверть этой суммы[36]. О том, насколько для советского правительства было важно сохранение Антиохийской Церкви в орбите влияния Москвы, свидетельствует факт принятия предложений Совета по делам РПЦ о серьезном увеличении валютного фонда Московской Патриархии. Согласно постановлениям ЦК КПСС и СМ СССР, Московской Патриархии «давалось согласие» дополнительно израсходовать на помощь Антиохийской Церкви в 1957 г. 50 тыс. долларов, а с 1958 г. валютный фонд Московского Патриарха Алексия должен был увеличиться с 300 тыс. до 900 тыс. долларов США. Патриарх внес во Внешторгбанк для этого 2,4 млн рублей[37].

Поддержка расположения самого Антиохийского Патриарха также требовала значительных затрат, и государство соглашалось с ними. Так, в августе 1957 г. посол СССР в Сирии Немчина телеграммой сообщил, что Антиохийский Патриарх Александр сказал ему в беседе, что его пригласили на лечение и отдых в Грецию, просил, чтобы эту поездку не расценивали как недружественный шаг по отношению к Московской Патриархии, и тут же добавил, что, если бы было приглашение от Московского Патриарха, то он мог бы поехать на отдых в СССР. Посол счел целесообразным «срочно» пригласить Патриарха Александра. Тогда же председатель Совета по делам РПЦ, ссылаясь на информацию посольства СССР в Египте о желании Патриарха Александрийского Христофора также приехать на отдых в СССР «за счет средств Московской патриархии», просит разрешить Совету дать согласие Патриарху Алексию на приглашение Патриархов на три месяца. Положительное решение Секретариата ЦК было принято уже 27 августа[38].

Именно с этим визитом Совет по делам РПЦ связывал организацию празднования 40-летия введения Патриаршества. Поэтому отдых Патриархов планировалось продлить до 4 декабря. Но Александрийский Патриарх не смог приехать в СССР. За главой Антиохийской Церкви в октябре по решению Секретариата ЦК КПСС был выслан (за счет средств Московской Патриархии) спецсамолет, им же Патриарх был доставлен обратно на Родину[39]. Перенос торжеств предопределил и сокращение срока пребывания Александра, и отсутствие информации об этом в печати.

Усилия власти и Московской Патриархии дали определенные результаты. Патриарх Антиохийской Церкви Александр III принял участие в праздновании 40-летия введения Патриаршества в РПЦ: спецсамолетом он был доставлен в Москву вместе с главами Александрийской и Греческой Церквей в мае 1958 г.

Советское руководство в реализации планов закрепления своего влияния в Ближневосточном регионе, в частности, через Церкви, настаивало не только на значительных материальных затратах Русской Церкви. После смерти Антиохийского Патриарха Александра в июне 1958 г. наиболее вероятной кандидатурой на патриарший престол, по информации МИД СССР, стал митрополит Эмесский Александр (Жех). Комитет информации МИД обратился к Г.Г. Карпову с просьбой «о со-

[33] ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1333. Л. 38–40.

[34] Там же. Д. 1438. Л. 56.

[35] Там же. Д. 1439. Л. 40, 42.

[36] Там же. Д. 1441. Л. 49.

[37] Там же. Д. 1439. Л. 44, 69.

[38] Там же. Л. 25.

[39] Там же. Л. 45.

действии» в присвоении Патриархом Алексием митрополиту Александру звания доктора богословия: «...это будет способствовать избранию Александра Жеха Патриархом Антиохийским и всего Востока, поскольку на сегодня ни один из иерархов этой церкви не имеет ученой степени»[40].

30 сентября 1958 г. совет Московской Духовной академии, рассмотрев сборник богословских работ митрополита Александра и отзывы официальных оппонентов, «постановил удостоить Высокопреосвященного Митрополита Александра ученой степени Доктора Богословия». Патриарх Алексий лишь утвердил это решение[41].

При содействии советских посольств налаживались отношения и с другими Церквами стран Ближнего Востока. По рекомендации посла СССР в Судане Теплова митрополит Николай послал в январе 1957 г. в адрес главы Коптской Церкви письмо «...о желательности установления связи между церквами». После его получения архиепископ Хартума, Южного Судана и Уганды Анба Иоаннис в беседе с Тепловым «...выразил желание посетить Советский Союз и встретиться с деятелями Русской православной церкви»[42].

В сентябре 1957 г. согласно решению Секретариата ЦК КПСС делегация Коптской Церкви находилась в Советском Союзе. Московская Патриархия по рекомендации Г. Карпова организовала делегации «...солидный прием». Во время встреч архиепископ «высказал предположение, что после избрания нового патриарха Коптская церковь предпримет шаги к более тесному единению с Русской православной церковью»[43].

С Коптской Церковью в Эфиопии прямых контактов установить не удалось. Но необходимость «разработки» этого внешнеполитического направления («Коптская церковь играет большую роль в государстве, глава церкви имеет влияние на императора») побудила найти иные пути для установления взаимоотношений. Наиболее «удобной и возможной формой установления связей», по мнению Совета по делам РПЦ, была бы командировка в Эфиопию представителей РПЦ «под предлогом исследования рукописей и других христианских ценностей». Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных связей одобрила это решение[44].

Помимо развития отношений РПЦ с Церквами стран Ближнего Востока Совет по делам РПЦ получил еще одно «пожелание» нового советского руководства — активнее строить отношения РПЦ с экуменическим движением.

Со стороны самого Всемирного Совета Церквей (ВСЦ) с начала 1950 г. предпринимаются шаги навстречу Православным Церквам. Одним из таких шагов была декларация ЦК ВСЦ, дававшая возможность совместной деятельности различным Церквам с несовпадающими представлениями о христианском единении[45]. Во многом благодаря этому поддерживались контакты между Церквами, проходили встречи деятелей РПЦ и ВСЦ. Встречи и обмен посланиями продолжались и в 1954–1955 гг.[46] Содержательной основой этих контактов были в основном проблемы борьбы за мир во всем мире. Русская Православная Церковь продолжала активную деятельность на этом поприще. Вовлеченность церковных деятелей Московской Патриархии в движение сторонников мира заметно расширяется. Кроме признанного лидера от РПЦ митрополита Николая, в эту работу включились митрополит Белорусский Питирим (Свиридов), архиепископ Американский Борис (Вик) и др.

По мнению церковного историка Вл. Цыпина, Русская Церковь «...нуждалась в контактах с западным христианским миром, видя в них одно из средств защиты от давления на нее воинственной атеистической власти»[47]. Это суждение верно, но только относительно чуть более позднего периода, когда активно стала проявлять себя антицерковная политика власти. В середине 50-х гг. Московская

[40] ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1641. Л. 21.

[41] ЖМП. 1958. № 10. С. 6.

[42] ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1438. Л. 101.

[43] Там же. Д. 1438. Л. 101; д. 1439. Л. 47.

[44] Там же. Д. 1543. Л. 131, 132.

[45] См.: *Ливцов В.А.* Русская Православная Церковь и экуменическое движение в XX веке. М., 2000. С. 49.

[46] См.: ЖМП. 1954–1955. № 1–12; ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1114. Л. 49–54; Д. 1228. Л. 15, 138.

[47] См.: *Цыпин Вл.* История Русской Церкви. М., 1997. С. 377.

Патриархия оставалась верна принятому на Совещании 1948 г. решению.

С осени 1955 г. ситуация для РПЦ меняется. В письме на имя Совета по делам РПЦ от 17 октября 1955 г. председатель Комитета информации при МИД СССР Н.А. Громыко рекомендовал руководству Совета: «...в целях оказания влияния на характер и направление деятельности Всемирного Совета Церквей можно было бы рассмотреть вопрос об участии в этой организации русской православной церкви...»[48].

Для Совета по делам РПЦ, ожидающего, требующего указаний со стороны власти, такая рекомендация стала руководством к действию.

В ноябре 1955 г. этот вопрос обсуждался руководством Совета по делам РПЦ и Московской Патриархией. Поводом для обсуждения явилось получение от ЦК ВСЦ полного доклада о работе II Ассамблеи ВСЦ. Было решено подготовить письмо с пожеланием восстановления контактов. «Это, — заявил митрополит Николай, — не противоречит решению Совещания 1948 г., так как патриархия говорит не об участии в движении, а лишь об установлении контактов с отдельными деятелями движения...»[49].

На протяжении 1955–1956 гг. проходили активные неформальные встречи с представителями различных протестантских церквей — участниками экуменического движения[50]. Их следствием явилось предложение ЦК ВСЦ об организации уже официальной встречи представителей РПЦ и ВСЦ[51]. Более того, в августе 1956 г. ВСЦ информировал митрополита Николая о единодушном положительном мнении по поводу принятия РПЦ в ВСЦ, высказанном участниками Пленума ЦК ВСЦ в Будапеште[52].

Московская Патриархия по согласованию с Советом по делам РПЦ принимает приглашение встретиться официально и обсудить направления взаимодействия. Была продумана и позиция РПЦ на будущих переговорах. Митрополит Николай, по мнению Патриарха Алексия, должен был заявить следующее: «Русская православная церковь не входит в состав ВСЦ, а ограничивает свое участие посылкой наблюдателя во все руководящие органы и комиссии ВСЦ. Она обещает помогать ВСЦ в проведении тех решений, которые не вызывают с ее стороны возражений... Кроме того, Московская патриархия будет стремиться к установлению контактов между ВСЦ и Всемирным Советом Мира и созданию единого церковного фронта в борьбе за мир»[53].

СМ СССР и Президиум ЦК КПСС отдельными распоряжениями дали согласие «...на встречу в начале 1957 г. делегации РПЦ в составе 5 человек с представителями исполнительного Комитета ВСЦ в Париже или другом европейском городе»[54]. Однако события в Венгрии расстроили планы встречи. Митрополит Николай счел необходимым написать письмо генеральному секретарю ВСЦ В. Хуфту с предложением отложить встречу, так как, «...если встреча и состоится, то будет очень трудно», потому что РПЦ и ВСЦ стоят на противоположных позициях по венгерскому вопросу. Г.Г. Карпов «...поддержал точку зрения митрополита Николая»[55].

Отсрочка встречи, как представляется, была выгодна церковному руководству. Сама Московская Патриархия под давлением Совета уже не возражала против пересмотра решений 1948 г. об отношении к экуменизму. Но она не могла решить вопрос о сближении с экуменистами самостоятельно — и Патриарх Алексий, и митрополит Николай считали, что это следует сделать с согласия всех автокефальных Церквей — участниц совещания 1948 г. С мнением Патриархии о том, что вопрос этот необходимо обсудить со всеми главами Церквей и принять решение об отношении к экуменизму Церквами-участницами Совещания 1948 г., был согласен и Совет по делам РПЦ.

Отношение глав Православных Церквей к экуменизму, вернее, к изменению позиции 1948 г., «осто-

---

[48] ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1333. Л. 23.

[49] Там же. Д. 1228. Л. 138; ЖМП. 1956. № 2. С. 3–4.

[50] См.: ЖМП. 1955. № 1–12; 1956 г. № 1–12; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1114. Л. 49–54; Д. 1228. Л. 15, 138; Д. 1333. Л. 22–23.

[51] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 22. Л. 73.

[52] См.: *Ливцов В.А.* Указ. соч. С. 52.

[53] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1333. Л. 23.

[54] Там же. Л. 23.

[55] Там же. Д. 1335. Л. 124.

рожно выяснялось» (рекомендация Г.Г. Карпова) на протяжении 1956 г. во время визитов церковных делегаций в Москву, во время ответных визитов делегаций РПЦ, в переписке с главами Церквей. Например, в беседе с Патриархом Сербским Викентием во время его визита в СССР в октябре 1956 г. выяснилось, что «...Викентий отрицательно относится к экуменическому движению, но не возражает против встречи с представителями ВСЦ»[56].

К началу 1957 г. для руководства Совета стало ясно, что вопрос об экуменизме необходимо обсудить на уровне межправославного совещания глав Церквей. В январе 1957 г. председатель Совета Г.Г. Карпов «ориентировал» митрополита Николая: «...главной задачей по внешней работе Московской Патриархии в 1957 г. является созыв совещания глав и представителей православных церквей для решения вопросов об отношении к экуменическому движению, об отношении к униатам и другие». Митрополит Николай «...обещал продумать и представить свои соображения в ближайшее время»[57].

Первоначально созыв совещания был намечен на июнь 1957 г. Но 4 апреля этого года митрополит Николай на приеме в Совете вносит предложение о переносе его на ноябрь, приурочив к 40-летию восстановления Патриаршества в России. Митрополит объяснил это рядом причин. Во-первых, Русская Церковь не сделала визитов в ответ на приглашения ряда делегаций, посетивших ее за два предшествовавших года, т.е. даже с точки зрения этикета приглашать тогда Предстоятелей этих Церквей было неудобно. Во-вторых, созыв совещания усложнялся, по мнению митрополита Николая, тем, что отношение к экуменическому движению еще не получило достаточной проработки: «Сербская церковь против участия в экуменическом движении, против высказывается и Греческая церковь, большие колебания у Болгарской церкви... Все это вместе взятое вызывает опасение, что мы не сможем получить единства в таком вопросе, может возникнуть опасность публичного раскола на Совещании, что используют во вред Русской церкви католики и другие недружелюбные церковные круги»[58].

Г.Г. Карпов был вынужден согласиться с аргументами митрополита. Они вместе пережили опыт подготовки Совещания 1948 г., и этот опыт подсказывал, что для большей уверенности в приезде глав Церквей (конечно, в первую очередь это относилось к Восточным Патриархам) необходимо приурочить планируемое мероприятие к какому-либо церковному празднику.

В мае 1957 г. Совет согласовал все вопросы, связанные с созывом совещания в «инстанциях»: в МИДе, КГБ, в Советском Комитете защиты мира. 21 мая Г.Г. Карпов посылает материалы в ЦК КПСС. В письме председатель Совета отмечал: «...учитывая, что от поездки на специально созванное совещание некоторые церкви могут уклониться, патриархия намечает пригласить глав и представителей церквей на церковные торжества в связи с исполняющимся в ноябре 40-летием восстановления патриаршества в русской православной церкви и использовать приезд делегаций для проведения совещания»[59].

Специальным постановлением Секретариата от 13 июля 1957 г. ЦК партии разрешил проведение совещания глав автокефальных Православных Церквей в Москве в ноябре 1957 г. по случаю 40-летия восстановления Патриаршества в РПЦ[60].

Председатель Совета Г. Карпов делал все возможное, чтобы совещание состоялось и чтобы вопрос об отношении к экуменизму на нем был решен положительно. В том же письме в ЦК КПСС от 21 мая Карпов просит разрешения ЦК на то, чтобы «...путем переписки с лицами, ведающими вопросами церкви в странах народной демократии, ознакомить их с точкой зрения Совета по вопросам взаимоотношений с ВЦУ и намечаемым совещанием»[61].

Тем самым Карпов пытался повлиять на позицию глав Православных Церквей Восточной Европы через аналогичные Совету органы в этих странах. Его намерение было обусловлено серьезными осложнениями: согласно информации митрополита

---

[56] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1333. Л. 44.

[57] Там же. Д. 1441. Л. 7.

[58] Там же. Л. 21–22.

[59] Там же. Д. 1438. Л. 115–117.

[60] Там же. Л. 117.

[61] Там же. Л. 117.

Николая, «...румыны, сербы, болгары, антиохийцы, греки категорически против участия в экуменическом движении, они все, за исключением греков, сторонники наших соглашений 1948 г.»[62].

В июле письмо было отослано во все страны «народной демократии». В нем впервые в качестве проблемы для обсуждения Г. Карпов ставит вопрос об отношении Православных Церквей к экуменическому движению, подробно излагая все этапы отношений РПЦ и Всемирного Совета Церквей[63].

В результате обмена мнениями было намечено организовать встречу представителей всех ведомств, занимающихся «вопросами церкви», в Будапеште (в ответ через советские посольства Совет получил и письма от своих коллег, а также информацию от сотрудников этих посольств в Чехословакии, Польше, Венгрии)[64]. Уже 30 июля председатель Государственного управления по делам церквей Министерства просвещения и культуры Венгрии Я. Хорват через советское посольство в Будапеште передал приглашение председателю Совета по делам РПЦ и председателю Совета по делам религиозных культов при СМ СССР прибыть на совещание, «которое состоится с 1 по 8 сентября 1957 г.»[65]. Своим особым решением Секретариат ЦК КПСС «командировал т.т. Г.Г. Карпова и А.А. Пузина» в Венгрию[66].

Это было первое подобное совещание руководителей органов, курирующих вероисповедную политику в «социалистических» странах, с участием председателей Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов при СМ СССР. Проблем и вопросов накопилось много, совещание проходило сумбурно. Линия Москвы на сближение с экуменистами не получила единодушной поддержки у коллег[67]. Совет по делам РПЦ был вынужден прорабатывать этот вопрос уже в двусторонних встречах (тогда же были запланированы и утверждены командировки Г. Карпова в Польшу и Югославию)[68].

Одновременно решалась и задача следования межцерковному этикету. Согласовывались программы визитов Патриарха Алексия: в сентябре в Болгарию — для участия в церковных торжествах в связи с 80-летием со дня победы на Шипке, в октябре в Югославию — как ответный на визит Патриарха Викентия[69]. В ходе визитов предусматривалось и обсуждение вопросов предстоящего совещания.

В Совете совместно с церковным руководством отрабатывалась возможная тактика на юбилейных торжествах. К вопросам, не относящимся к празднованию, были добавлены проекты воззваний к миру о запрещении термоядерного оружия. Как записано в стенограмме беседы, «...договорились о возможности такого тактического варианта на совещании: в ходе дружеских бесед предварительно выяснить мнение всех глав церквей об их отношении к экуменическому движению и об их отношении к вопросу о запрещении термоядерного оружия, с тем чтобы при создавшейся необходимой обстановке можно было принять решение по этим вопросам, но с тем, чтобы предложения исходили не от русской церкви»[70].

Но уже 26 августа Патриарх Алексий на приеме в Совете высказался о целесообразности перенести празднование 40-летия Патриаршества на более поздний срок, так как «...в декабре из-за морозов многие главы церквей — патриарх Александрийский, патриарх Антиохийский — не приедут, хотя и пошлют своих представителей, — и поэтому желаемого результата не получится...». Патриарх Алексий и Г.Г. Карпов пришли к общему мнению о том, что «надо дождаться ответов на приглашение, и, если увидим, что большинство

[62] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1441. Л. 38–39.

[63] Там же. Д. 1534. Л. 49–58.

[64] Там же. Л. 70–71, 137, 141–164, 192.

[65] Там же. Д. 1534. Л. 137.

[66] Там же. Д. 1439. Л. 11.

[67] Там же. Л. 74–76.

[68] Там же. Л. 133; Д. 1543. Л. 30.

[69] Там же. Д. 1438. Л. 162; Д. 1439. Л. 9; ЖМП. 1957. № 9. С. 3; № 10. С. 3, 53–72; № 11. С. 59–77.

[70] ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1441. Л. 48.

глав церквей за другие сроки, — перенести на весну 1958 г. после Пасхи»[71].

В конце ноября 1957 г. стало ясно, что празднование 40-летия Патриаршества необходимо переносить. Г.Г. Карпов информирует об этом инстанции только в конце января 1958 г. Председатель Совета объяснил причину как «...пожелание восточных патриархов перенести торжества на более теплое время»[72].

Празднование 40-летия со дня восстановления Патриаршества РПЦ состоялось. В течение двух недель в СССР находились делегации тринадцати из пятнадцати Православных Церквей (не приехали делегации от Кипрской и Иерусалимской Церквей)[73].

Что касается вопроса отношения Православных Церквей к экуменическому движению и контакта с ВСЦ, то он не обсуждался вообще. Лишь Русская Православная Церковь, от лица которой на торжественном акте в Московской духовной академии митрополит Николай выступил с докладом «Православие и современность», выразила свое отношение к экуменизму. Николай, обозначив «признаки эволюции» экуменического движения, заявил, что «Русская Православная Церковь считает возможным пойти навстречу желанию Всемирного Совета Церквей и встретиться с его руководителями, — пока с единственной целью взаимного ознакомления со взглядами на целесообразность и формы дальнейших отношений»[74].

Встреча делегации РПЦ во главе с митрополитом Николаем с представителями Всемирного Совета Церквей состоялась в Голландии в начале августа этого же года. Было принято совместное коммюнике и обсужден план дальнейших контактов[75].

Таким образом, задача привести Православные Церкви (даже стран «народной демократии») к изменению положений Совещания 1948 г. не увенчались успехом.

С точки зрения власти, это было следствием недоработки Совета по делам РПЦ; данная неудача явилась еще одним звеном в цепи фактов, вызывающих недовольство идеологических структур. «Недоработка», на наш взгляд, имела причиной отрицательное отношение председателя Совета Г.Г. Карпова к идее вхождения РПЦ во Всемирный Совет Церквей. Это находит косвенное отражение во всех материалах, связанных с обсуждением данного вопроса.

Г.Г. Карпов обоснованно полагал, что стремление ВСЦ к контактам с РПЦ и активно выражаемое желание о ее членстве определялось политическими целями. Это подтверждала информация, получаемая из различных источников. Еще в процессе подготовки юбилея Г.Г. Карпов обратился к Комитету по информации при МИД с просьбой подготовить справку о деятельности ВСЦ. Такую справку с секретным приложением он получил в августе 1957 г. Председатель Совета особо выделил — подчеркнул красным карандашом — следующий тезис: «ВСЦ весьма активно выступает за урегулирование отношений между Востоком и Западом, полагая, что нормализация этих отношений даст западным церквям возможность сильнее воздействовать на духовенство стран социалистического лагеря»[76]

При таком положении дел, по мнению Карпова, Русская Церковь, войдя в ВСЦ, без поддержки других Православных Церквей не сможет не только повлиять на характер и направление деятельности этого движения, но и противостоять «западному воздействию». Такой точки зрения председатель Совета придерживался плоть до своего увольнения с поста[77].

В процессе подготовки торжеств по случаю 40-летия введения Патриаршества Совет по делам РПЦ активно сотрудничал с аналогичными структурами стран Восточной Европы. Опыт этого со-

---

[71] ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1441. Л. 59.

[72] Там же. Д. 1543. Л. 5.

[73] См.: *Цыпин Вл.* История Русской Церкви. С. 378; ЖМП. 1958. № 6 (специальный номер, посвященный празднованию сорокалетия восстановления Патриаршества в РПЦ).

[74] *Николай, митроп.* Православие и современность // ЖМП. 1958. № 6. С. 71.

[75] См. там же. № 9. С. 22–35.

[76] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1540. Л. 25.

[77] В январе 1960 г., подводя итоги декабрьской встречи митр. Николая и генерального секретаря ВСЦ В.А. Виссерт-Хуфта, Г.Г. Карпов писал в ЦК КПСС, что необходимо продолжать контакты, влиять на политику ВСЦ, «однако, имея в виду его идеологические задачи, вступать в члены нецелесообразно». — См.: *Шкаровский М.В.* Указ. соч. С. 320.

трудничества и архивные материалы убедительно подтверждают, что Совет перестал быть для органов власти «социалистических» стран образцом проведения вероисповедной политики. Подтверждением этому являлся не только более низкий статус Совета по делам РПЦ в советской системе власти по сравнению со странами «соцлагеря» (например, Комиссию по вопросам вероисповеданий Союзного Исполнительного веча ФНРЮ возглавлял член правительства Югославии и член ЦК Союза коммунистов Югославии Радославович).

В некоторых вопросах собственно церковной политики союзные структуры уже могли обойтись без помощи и поддержки московского Совета по делам РПЦ. Визиты в СССР по приглашению Г.Г. Карпова министра культов Румынской народной республики Константинеску-Яша (август 1955 г.) и секретаря Комиссии по вероисповеданию Югославии М. Дилпарича, приехавшего в СССР вместе с делегацией Сербской Православной Церкви (осень 1956 г.), оказались с точки зрения сотрудничества неплодотворными[78].

Ситуацию характеризует и проблема Греко-католической Церкви. Актуальность ее и в СССР, и в других странах объяснялась процессом десталинизации и возвращением из заключения и ссылок по амнистии большого числа униатских священников. В Советском Союзе, по данным Совета по делам РПЦ, только на территорию пяти областей Украины вернулось 283 человека[79]. Такие же процессы происходили и в Чехословакии, Польше, Венгрии, Румынии при общем оживлении деятельности Ватикана в Восточной Европе.

Так, в Польше организованное по разрешению властей Украинское культурно-просветительское общество подняло вопрос о восстановлении Греко-католической Церкви в стране[80]. В Чехословакии бывшие униатские священники, перешедшие в православие, возвращались в униатство. Управление по делам Церкви Чехословацкой республики через советское посольство обратилось к советскому руководству с просьбой «командировать из СССР 25–30 священников на 5 лет для работы в православных приходах»[81].

Через советского поверенного польские товарищи попросили помощи: прислать православную литературу, а также «...информацию о методах присоединения Греко-католиков на Украине»[82].

Обеспокоенное сведениями, поступавшими из разных источников, руководство Совета разработало целый комплекс мероприятий «по униатам», а также пришло к выводу о необходимости созыва совещания «представителей госорганов по делам церкви» стран народной демократии по данному вопросу[83]. Инициатива Совета по делам РПЦ была поддержана МИД СССР и КГБ при СМ СССР[84].

Возможность обсудить эти вопросы представилась уже в марте с чехословацкими коллегами — заместитель министра школ и культуры Чехословакии пригласил председателя Совета по делам РПЦ приехать в страну и обсудить «...взаимно интересующие нас вопросы церковно-политического характера»[85].

С 3 по 19 июня 1957 г. председатель Совета по делам РПЦ в сопровождении уполномоченного Совета по Латвийской ССР Сахарова находился в Чехословацкой республике. В ходе встречи ее участники пришли к выводу о том, что в борьбе против униатов достаточно усилий по развитию православия в Словакии. Чехословацкие товарищи высказали пожелание о посылке православной молодежи в духовные учебные заведения Московской Патриархии, о присылке священников из СССР и др.[86] Большие надежды в смысле усиления Православной Церкви в Словакии возлагались на вновь

[78] ГАРФ Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1226. Л. 55; Д. 1333. Л. 33, 45.

[79] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 53. Л. 6–7.

[80] ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1426. Л. 112.

[81] Там же. Д. 1331. Л. 71.

[82] Там же. Д. 1426. Л. 112–113.

[83] Там же. Д. 1329. Л. 114.

[84] Там же. Д. 1334. Л. 90; Д. 1432. Л. 125.

[85] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1438. Л. 37.

[86] Там же. Д. 1438. Л. 135–139.

избранного главу Чехословацкой Православной Церкви митрополита Иоанна (Кухтина)[87].

В июле Совет отсылает на утверждение в инстанции информационное письмо в страны «народной демократии» всем учреждениям и органам, ответственным за церковно-религиозную сферу в своих странах. В этом письме председатель Совета говорит о необходимости установления более тесного контакта «...между нашими ведомствами: ...полагаем начать дело с обмена информацией, которую, вероятно, следует проводить не реже одного раза в квартал..; естественно, что наш личный контакт также даст свои результаты»[88].

Однако оказалось, что ведомства в странах «народной демократии» уже давно взаимодействуют: «...только в 1957 г. т. Хорват из Венгрии дважды посетил Чехословакию;.. чехословацкие товарищи уже имели ряд встреч с руководителями ведомств из ГДР и Польши», что совещания, «подобные» сентябрьскому, «проводились и раньше, но без участия СССР»[89].

Согласно совместному отчету председателей Советов, проблема, ради которой, собственно, и решено было организовать эту встречу, т.е. проблема возрождения униатства, на самом совещании в Будапеште почти не звучала. Участники совещания пришли к выводу о достаточности методов и форм работы, направленных на усиление православия в своих странах.

По вопросу об отношении к экуменизму, как уже говорилось, председатели Советов также не нашли понимания со стороны своих коллег.

Впечатления, полученные председателями Советов при СМ СССР, побудили их вновь заявить перед властью о необходимости принятия нового Положения о Советах, в котором должен быть определен более высокий статус руководимых ими органов[90].

Конечно, ведомства в странах «народной демократии», аналогичные Советам по делам РПЦ и по делам религиозных культов в СССР, за послевоенный период накопили и собственный опыт; на развитии государственно-церковных отношений в этих странах сказались и традиции взаимоотношений религиозных организаций с властью, и специфика правового положения конфессий. Но тот факт, что опыт Советов по делам РПЦ и по делам религиозных культов перестал быть востребованным, снижал в первую очередь значимость их работы в глазах советского руководства.

Обращает на себя внимание активная деятельность посольств СССР в различных странах, берущих на себя решение многих проблем, связанных с деятельностью Русской Православной Церкви за рубежом. Это обстоятельство особенно проявилось при решении проблем деятельности экзархатов и миссий Русской Православной Церкви за рубежом.

Безусловно, это вызвано объективными обстоятельствами. Активная и, главное, неровная внешняя политика Н.С. Хрущева делала невозможным выстраивание перспективной линии Совета по делам РПЦ в отношении зарубежных представительств Церкви.

Нормализация советско-китайских отношений предопределила решение Совета «передать безвозмездно в собственность правительства КНР» недвижимое имущество, за исключением собственности в Пекине, которая должна перейти советскому посольству. Советское правительство согласилось с предложениями Совета по делам РПЦ, утвердив их в феврале 1955 г. в виде специального постановления СМ СССР[91].

В 1956 г. китайские власти согласились на организацию автономной Китайской Православной Церкви (КПЦ) и на назначение в качестве ее главы китайца архимандрита Василия (Шуан). Власти КНР даже передали недвижимость (бывшую собственность экзархата РПЦ) в собственность Китайской автономной Православной Церкви[92]. Весной 1956 г. архиепископ Виктор выехал на Родину, оставив Василия в качестве временного управляющего КПЦ. В мае 1957 г. в Москве

[87] Священный Синод РПЦ удовлетворил просьбу митрополита Елевферия о переводе его на епархию в СССР. Выборы нового главы Православной Церкви в Чехословакии состоялись 19 мая 1956 г. См.: *Николай, митр.* В Чехословакии на церковных торжествах // ЖМП. 1956. № 7. С. 71–75.

[88] ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1534. Л. 51.

[89] Там же. Д. 1439. Л. 75; д. 1438. Л. 136.

[90] Там же. Д. 1439. Л. 142.

[91] ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1224. Л. 1–3.

[92] См.: *Поздняев Д.* Православие в Китае: 1900–1997. М., 1998. С. 147–148.

состоялась хиротония во епископа Пекинского архимандрита Василия[93].

Однако ухудшение советско-китайских отношений привело к катастрофе Православной Церкви в Китае. В 1958 г. Благовещенский храм в Пекине был не просто закрыт — его помещение было передано цирковому училищу, при этом осквернению подверглись и святыни храма, и православное кладбище при нем. Хунвэйбины культурной революции довершили дело разгрома Автономной Православной Церкви в Китае[94].

Восстановление дипломатических отношений с Израилем поставило вопрос о перспективах развития Русской духовной миссии в Иерусалиме и через нее — об усилении влияния РПЦ в регионе. Об этом также руководство Совета неоднократно беседовало и с церковным руководством, и с начальником миссии, и с послом СССР в Израиле А.Н. Абрамовым[95]. Мнение А.Н. Абрамова было однозначным: «Миссия нужна по соображениям политического и хозяйственного характера... необходимо решать задачи, во-первых, усиления русского влияния в Палестине, поскольку в борьбе за «святые места» здесь переплетаются интересы целого ряда государств; во-вторых, — миссия должна отстаивать интересы русской церкви и интересы государства; в-третьих, — необходимо сохранить огромное имущество (приблизительно 20 млн долл.)»[96]. Содержание миссии требовало больших расходов, но в отношении «святых мест» Московская Патриархия была готова их нести. Проблема заключалась в малочисленности монашествующих для поддержания монастырского хозяйства миссии. В 1955 г. правительство соглашается с мнением Совета о переводе монашествующих из СССР в Горненский монастырь[97].

1955–1956 гг. принесли некоторое потепление политической обстановки в Европе и мире. Это тут же сказалось на характере взаимоотношений Московской Патриархии со своими приходами в Западной Европе. Впервые после войны Советский Союз смогли посетить представители Западно-Европейского патриаршего Экзархата. В августе 1956 г. в Москве была делегация, приглашенная Патриархом Алексием. Восторженные впечатления делегации были опубликованы и в ЖМП, и в «Вестнике Экзархата», издающемся в Париже. Даже оппозиционный «Вестник русского христианского движения» без обычной язвительности и иронии пересказал впечатления делегации, в том числе о большом количестве верующих в СССР[98].

Представители экзархата Московской Патриархии из Северной Америки также получили такую возможность в 1956 г.[99]

Изменившаяся к концу 50-х гг. международная ситуация уже не позволила представителям экзархатов принять участие в праздновании 40-летия введения Патриаршества в 1958 г., хотя они и получили приглашение от Московской Патриархии. Осложнили положение экзархатов судебные тяжбы в Нью-Йорке и Париже и материальные проблемы вокруг кафедральных храмов в этих городах[100].

Совет по делам РПЦ пытался помочь в решении юридических споров по поводу имущества православных приходов. Сложность решения заключалась и в неясности вопроса о том, кому принадлежит храм, как, например, в Нью-Йорке, из-за раскола членов общины, а также из-за разности форм собственности этого имущества в разных странах [например, приход РПЦ в Брюсселе и жилой дом при нем принадлежали лично настоятелю архиепископу Александру (Немоловскому)] и, главное, из-за неясности юридического статуса недвижимого имущества РПЦ за рубежом.

Председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов в августе 1958 г. обратился в Совет Министров

---

[93] ЖМП. 1957. №. 6. С. 24.

[94] См.: *Поздняев Д.* Указ. соч. С. 156–161; *Кузнецов В.* Религия в обществе и государстве // Азия и Африка сегодня. 2001. № 6. С. 13–15.

[95] ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1118. Л. 56–59; д. 1220. Л. 22–26; д. 1228. Л. 153–156.

[96] Там же. Д. 1228. Л. 156.

[97] См.: *Шкаровский М.В.* Указ. соч. С. 312.

[98] *Струве Н.* Церковь в Советской России (с ноября 1955 по ноябрь 1956 гг.) // Вестник РХСД. 1957. № 44. С. 34; ЖМП. 1956. № 10. С. 22–23; ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1438. Л. 82–86.

[99] См.: ЖМП. 1956. № 1. С. 20–21; ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1331. Л. 1–5.

[100] См.: *Казем-Бек А.* К десятилетию одного судебного процесса // ЖМП. 1957. № 6. С. 66–74; № 7. С. 56–65; ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1543. Л. 1.

СССР с просьбой «...считать рассекреченными документы, касающиеся имущества Церкви за рубежом.., учитывая необходимость представления в нотариальные и судебные органы буржуазных стран справок о том, что церковные органы в СССР наделены правом юридического лица, а также принимая во внимание, что постановления СНК в настоящее время не носят государственной тайны (духовные и церковные служащие о них знают), просим их рассекретить. Этот вопрос является важным при покупке — продаже имущества за рубежом». В ответ Совет получил следующую резолюцию зам. председателя СМ СССР Ф. Козлова: «Считать нецелесообразным»[101].

В целом реализация «задачи расширения влияния Московской Патриархии в странах Западной Европы и Америке», сформулированная Советом, сузилась до задачи «сохранения влияния».

Политика власти в период 1954–1958 гг. была весьма неровной и нестабильной в отношении Церкви как внутри страны, так и в плане ее внешней линии. Это, безусловно, сказывалось на работе Совета по делам РПЦ. Не получая «целевых», стратегических задач по руководству внешней деятельностью Московской Патриархии, руководство Совета самостоятельно выстраивало эту линию, основываясь на информации любого рода — из Совета Министров СССР, партийных кругов, МИД.

Особенностью данного периода была тесная связь Совета по делам РПЦ с различными отделами Министерства иностранных дел и Комитетом информации МИД. Но прогнозы «компетентных органов» реализовывались не всегда, а в некоторых случаях можно было усомниться и в компетентности органов. Это приводило к напрасной, бесплодной работе Совета и Московской Патриархи, что в свою очередь вызывало раздражение инстанций и питало почву для обвинений. Так, по информации МИД, кандидатом на Патриарший престол Иерусалимской Церкви Совет считал архиепископа Севастийского Афинагора, однако Патриархом Иерусалимским стал архиепископ Тевириадский Венедикт[102].

Компетентные органы МИД считали митрополита Илию Салиби наиболее вероятным кандидатом на Антиохийский Патриарший престол, годом позже таковым считался митрополит Александр (Жех). Совет и Московская Патриархия провели работу по поддержке и материальной, и статусной, и того, и другого, а Патриархом Антиохийской Церкви стал Феодосий VI[103].

Выбивала Совет из уже сложившегося плана работы «по внешней линии» непоследовательная финансовая политика власти. Так, в августе 1956 г. Секретариат ЦК КПСС принимает постановление о сокращении расходов по причине экономии государственных средств. Совет по делам РПЦ, безусловно, должен был откликнуться на него «в порядке исполнения». 22 августа на заседании Совета было принято свое постановление, в котором, в частности, говорилось: «...рекомендовать Московской патриархии принять меры к более экономному расходованию средств на связи с церковными организациями за границей, в особенности инвалюты, не допускать приглашений делегаций и лиц без особой в том нужды, излишне большого числа состава церковных делегаций, не допускать излишеств в расходах по обслуживанию приезжающих в СССР зарубежных церковных делегаций и особенно сократить расходы на подарки»[104].

В 1957 г. власть радикально меняет финансовую политику в отношении Московской Патриархии. Активизация ближневосточного направления внешней политики советского руководства имела своим следствием «согласие» на оказание значительной материальной помощи РПЦ церквам этого региона в валюте. Но в 1958 г., в ответ на смету дополнительных валютных средств, представленную Патриархией, Совет сократил ее на 240,6 тыс. рублей. Была сокращена вдвое помощь Александрийской Церкви, а деньги на судебные расходы по собору в Нью-Йорке, по мнению Совета, выделять было вообще нецелесообразно, «так как вопрос о принадлежности собора еще не решен»[105]. Однако Министерство финансов, рассмотрев «Замечания» Совета, сочло нецелесообразным

[101] ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1543. Л. 138–139.

[102] Там же. Д. 1331. Л. 6; д. 1438. Л. 27.

[103] Там же. Д. 1641. Л. 21.

[104] Там же. Д. 1332. Л. 177–178.

[105] Там же. Д. 1543. Л. 93–94.

«отпускать» на расходы РПЦ все запрашиваемые деньги — по причине «очень напряженного состояния валютной кассы Госбанка СССР», и СМ СССР согласился с мнением министерства[106]. Таким образом, намерения Московской Патриархии оказывать поддержку Церквам стран Ближнего Востока были поставлены под сомнение, а это сводило на нет усилия предыдущих лет.

Серьезной проблемой в осуществлении внешнеполитических акций оставалась проблема кадров духовенства для использования в заграничной работе. Также было известно, что Московская Патриархия, лично Патриарх Алексий не заинтересованы в активной внешней работе: она требует слишком много затрат.

Эффективность проведения внешнеполитических акций Совета по делам РПЦ снижалась также и по причине необходимости их согласования с Советом по делам религиозных культов. Неоперативность в решении этих вопросов со стороны последнего неоднократно вызывала критику Г.Г. Карпова: «...почему патриарх должен осуществлять контакт и поддерживать связи, кроме православных церквей мира, с протестантами Европы и Америки и даже квакерами? Разве не правильнее было бы и не полезнее ли нам, если бы это делали от себя другие религиозные объединения, имеющиеся в нашей стране»[107].

Обстановка внутри центрального аппарата Совета была неоднозначной. Отсутствие указаний сверху приводило к формированию различных взглядов среди сотрудников на цели и задачи их работы как представителей государственного органа, а также на формы и методы «использования» Церкви и духовенства в интересах государства, в том числе и по «внешней линии»[108].

Замена в 1957 г. всего руководящего состава Совета, за исключением председателя, на партийных функционеров требовала времени для вхождения их в поле взаимоотношений с духовенством[109].

Непоследовательность церковной политики власти вселяла неуверенность, вносила нервозность в работу Московской Патриархии. Непонимание со стороны власти специфики (этикета) межцерковных отношений, нежелание идти навстречу в просьбах церковного руководства, невыполнение данных обещаний, отношение к Церкви только как к инструменту, который нужно «использовать в интересах государства», — все это порождало у церковного руководства унизительное ощущение игры со стороны власти, неоправданности собственных усилий по внешнеполитической линии.

Председатель Совета Г.Г. Карпов придерживался мнения (которое неоднократно выражал в своих письмах в инстанции), что «...прежде чем предъявлять руководству церкви требования об улучшении внешней работы церкви в интересах государства, надо удовлетворять некоторые просьбы патриарха»[110].

Так, в течение длительного времени в правительстве рассматривался вопрос о передаче помещений Новодевичьего или Донского монастыря под резиденцию Патриарха. Действительно, особняк в Чистом переулке мало подходил для встреч с главами других Православных Церквей, каждый из которых либо жил в соответствующей рангу монастырской обстановке, либо, как Румынский и Болгарский Патриархи, имел собственный патриарший дворец[111].

Митрополит Николай также в течение ряда лет, и Совет его в этом поддерживал, ходатайствовал о выделении участка земли под строительство за счет средств Патриархии особняка для Отдела внешних церковных сношений. Г.Г. Карпов, несмотря на свое в целом негативное отношение к митрополиту Николаю, понимал значимость его деятельности на международной арене — и в движении за мир, и в строительстве взаимоотношений с различными конфессиями. На протяжении длительного времени митрополит Николай, действительно, оставался ключевой фигурой Русской Православной Церкви в мире. Но только в 1955 г. Совет добился награждения его Орденом Трудового Красного Знамени.

В 1956 г. Совет, «учитывая активную деятельность митрополита Николая в движении за мир», выступил с хода-

---

[106] ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1543. Л. 115.

[107] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 642. Л. 166.

[108] Там же. Оп. 33. Д. 53. Л. 36.

[109] Запись беседы Г.Г. Карпова с патриархом Алексием: 19 мая 1958 г., санаторий Барвиха / публ. М.И. Одинцова // Отечественные архивы. 1995. № 5. С. 40.

[110] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 642. Л. 167.

[111] Отечественные архивы. 1995. № 5. С. 38.

тайством о представлении его к Сталинской премии мира за 1956 г. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 754. Л. 45). В 1958 г. Г. Карпов вновь направил ходатайство в ЦК партии — с просьбой рассмотреть вопрос о присуждении митрополиту Николаю международной Ленинской премии за укрепление мира между народами. В адрес Г.Г. Карпова из ЦК пришла следующая резолюция: «...нецелесообразно, так как недавно Ленинская премия была присуждена советскому представителю Н. Тихонову. Кроме того, деятельность митрополита Николая в борьбе за сохранение и укрепление мира не является столь выдающейся, чтобы присуждать ему Ленинскую премию немедленно. В будущем этот вопрос может быть поставлен на обсуждение Комитета по международным Ленинским премиям» (там же. Оп. 33. Д. 91. Л. 11).

Московская Патриархия проявляла себя не только в деле борьбы за мир. Церковное руководство — Патриарх Алексий, митрополит Николай — делали со своей стороны все, чтобы быть полезными своему государству. По внешней линии Патриархия, как и ранее, продолжала выполнять все рекомендации Совета по делам РПЦ. Архивные материалы передают атмосферу общего делания, складывается ощущение сформировавшегося за многие годы совместной работы своеобразного союза людей, разных по своему положению, статусу и мировоззрению.

К концу 50-х гг. власти были явно разочарованы результатами внешнеполитической деятельности Русской Церкви, а также руководством «внешней линией» Московской Патриархии со стороны Совета по делам РПЦ.

Совет не смог стать лидером среди подобных государственных структур в странах «народной демократии» и влиять через них на позиции глав Православных Церквей Восточной Европы. Это с очевидностью показали результаты встречи глав Православных Церквей по поводу 40-летия введения Патриаршества в РПЦ в мае 1958 г. Лишь одна Московская Патриархия выразила положительное отношение к экуменическому движению и сотрудничеству с Всемирным Советом Церквей, и то только в качестве наблюдателей. Неудача межправославной встречи послужила для сторонников жесткой линии в партийном аппарате дополнительным аргументом для вывода о нецелесообразности продолжения прежней церковной политики.

Празднование 40-летия восстановления Патриаршества в РПЦ стало своеобразной рубежной точкой в государственно-церковных отношениях в Советском Союзе. Торжества продемонстрировали перед зарубежными делегациями, а через них перед всем миром, «полную свободу религии и церкви в СССР» и тем самым выполнили свою пропагандистскую задачу. По окончании торжеств стала набирать силу новая линия, приведшая к политической войне с Церковью, духовенством и верующими.

© Чумаченко Т.А., 2010